

О ВОЙНЕ И НЕ ТОЛЬКО

Дина Семеновна Гордон

"В 2000 году, по инициативе внука Ильи и моей старшей дочери, я переехала в Германию, в город Фрайбург в Брайзгау. Друзья спрашивают, иногда с возмущением, как вы можете жить в стране, на совести которой столько преступлений? Я отвечаю: послевоенное поколение не участвовало в войне, за что я должна их ненавидеть? В стариках я вижу бывших солдат, которые выполняли приказ в силу своей высокой законопослушности. Но не ненависти они достойны, а жалости: старые, больные, немощные старики, на моих глазах покидающие этот мир.

Интернет и компьютер украшают мою старость. Я читаю те книги, которые хочу, слежу за новостями в России и Германии. Научная литература также всегда под рукой. Если хочу, рисую на своем компьютере или слушаю музыку. Это совсем не такая старость, от которой впадают в тоску. Кажется, моя жизнь прожита не зря. Я оставлю после себя родных: детей, внуков, правнуков. Я оставляю и около 40 учеников. Они успешно продолжают мою линию в науке и тоже стали мне родными. Наверное, я счастливый человек, несмотря на мелкие беды. А у кого их нет?.."

ДО ВОЙНЫ

Из Коврова, через 8 лет, мы переехали в Иваново. Официальная причина – служебный перевод отца в областную контору госбанка. Однако первоначально он ехал с явным понижением в должности. Почему? Может быть, в области сначала хотели приглядеться к нему? А может потому, что в условиях начавшихся «чисток» и репрессий в маленьком городе, где он был заметной фигурой, оставаться было небезопасно? Приняв понижение, он должен был уехать.

В Иваново отец сначала работал в Госбанке в качестве инспектора по подготовке кадров, но примерно через год занял место главного бухгалтера Областной конторы Госбанка СССР по Ивановской области. Мама стала заведовать клинической лабораторией Поликлиники Партактива. Вскоре она была приглашена на кафедру микробиологии Ивановского государственного института в качестве ассистента. Через несколько лет ей временно пришлось заведовать этой кафедрой, потому что заведующий, профессор Ермилов был арестован.

Мой дедушка - Давид Павлович Кублановский – вошел в контакт и с ивановскими евреями. Он разведал сообщество ортодоксальных евреев и даже вошел в состав миньяна. Началось всё со знакомства с часовщиком Глодниковым, который имел малюсенькую мастерскую около нашего дома. Он и его брат–сапожник и были во главе немногочисленной общины. Ближе с еврейским обществом города – с почти полностью ассимилированными потомками коренных ивановских евреев – меня познакомил впоследствии мой муж. Возникает вопрос, как оказались вне черты оседлости эти «коренные»? Частично это были беженцы из западных губерний во время Первой мировой войны, а некоторые имели право проживания по закону в силу образования или принадлежности к купечеству. Так в кругу моих еврейских знакомых оказались пожилые и молодые инженеры, врачи, музыканты и др.

Я поступила в 5-й класс школы № 33 (ныне школа №26). И снова мне повезло. Школа, бывшее торговое училище, была небольшая, в старинном здании с красивой, чугунного литья, центральной лестницей, с паркетным полом в зале рекреации, с высокими потолками и просторными классами. Главное, что опять судьба свела меня со старыми учителями. Особая благодарность на всю жизнь осталась учительнице русского языка и литературы Вере Михайловне Медведевой. Она сделала меня грамотным человеком, ценящим речь и слово. И не она ли явилась причиной того, что из нашей школы вышел не один писатель или поэт? Вот их неполный перечень: Дмитрий Фурманов, Николай Майоров, Алексей Лебедев, Владимир Жуков... Сама Вера Михайловна была строга и суховата, ее прозвищем был «Тушканчик». Её побаивались, но она же была душой постоянно работающего «Литературного общества» школы, куда с удовольствием ходила и я.

По инициативе любимой учительницы я сделала свою первую «научную» работу: «Гражданские мотивы в творчестве Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Маяковского». Эта работа легла в основу моего дальнейшего отношения к науке вообще. Технология исследования оказалась общей для всех научных направлений, не говоря о том, что это было просто интересно и очень увлекательно.

С самого начала жизни в Иваново меня определили в детскую музыкальную школу по классу фортепиано. Учительница жила в нашем доме, этажом выше. Мои самостоятельные занятия она слышала и всегда ругала меня за то, что я плохо готовлю уроки, прибавляя при этом: «У тебя большие способности, но ты не хочешь их развивать».

В 1937 году начались аресты, которые стали заметны, потому что из нашего дома чуть ли не каждую ночь исчезали люди. В это время моя школа лишилась замечательного учителя немецкого языка Якова Мантеля. Если бы он продолжал учить нас, то я бы, конечно, знала немецкий язык совсем не так примитивно, как получилось потом.

Здесь в Иваново у меня появилась подруга, Глаша Попова, которая стала мне, единственному ребенку, как бы сестрой. Наши отцы работали вместе. Мы учились в одном классе и жили в одном доме, принадлежавшем банку. Её мать и отец были в разводе. Когда её отец в 1936 году уехал в кадровую армию, то неофициально ее опекали мои родители, хоть она и жила в отдельной квартире с бабушкой. Почему уехал ее отец? Страх перед репрессиями? Повторение того же, что ранее было с моим отцом?

Заканчивали мы школу в 1940 году. Сначала был план поступать в Ленинградский университет: Глаша – на исторический, я - на филологический факультеты. Причины крылись в том, что Глашин отец служил именно в Ленинграде, кроме того, Глашина мать в свое время окончила юридический факультет Ленинградского университета.

Когда аттестаты были уже у нас на руках, у меня вдруг возникли сомнения, уж не знаю и почему. Дело, наверное, было в том, что в наше время стране нужны инженеры, и нам внушали мысль о необходимости технического образования. И вот, я, не имея никакой склонности к точным наукам, решила, что смогу одолеть всё, что надо. Так возникло желание поступить в Московский Авиационный институт им. Орджоникидзе (МАИ) - взять, так сказать, неприступную крепость. Документы были поданы именно туда, а Глаша уехала в Ленинград. Надо сказать, что даже документы в МАИ принимали не от всех. Моей однокласснице, отец которой был репрессирован, отказали.

Я сдала вступительные экзамены, получив проходной балл при конкурсе 19 человек на место. Мое сочинение получило единственную отличную отметку из ста сочинений моего потока. На устном экзамене меня спросили имя моей учительницы и послали ей благодарственное письмо. Учёба в институте оказалась для меня нестерпимо трудной. Я переоценила свои возможности. Наверное, от невероятного напряжения я тяжело заболела. Сначала просто грипп, а потом тяжелое воспаление среднего уха. В зимнюю сессию успела сдать только зачеты и один экзамен.

Меня поместили в Боткинскую больницу Москвы. Приехала моя мама. Потом в зимние каникулы приехала из Ленинграда Глаша. Они дежурили в больнице после сделанной мне операции.

После выхода из больницы я взяла академический отпуск и вернулась в Иваново. Рана не заживала полгода, несмотря на усилия врачей. В июне пришлось снова поехать в Москву, где профессор Трутнев начал лечить мою операционную рану. Последнюю повязку он снял в субботу 21-го июня 1941 года.

ВОЙНА

Вечером этого же дня я поехала на Ярославский вокзал в очередь за билетами. Стоять в очереди предстояло целую ночь. Рано утром 22 июня я с грехом пополам купила билет. Усталая, я поехала к родственникам, улеглась спать и попросила выключить радио.

А около 12 часов проснулась от громких голосов в коммунальной кухне. Думала, что ругаются, захотелось помирить, побежала в кухню и услышала страшные слова о войне. По радио выступал Вячеслав Михайлович Молотов.

Ночью мне приснился сон, что война кончилась, я иду по солнечной утренней улице с радостным настроением, в красивом платье. На другой день я поехала в институтское общежитие забирать свои вещи. На улицах Москвы чувствовалась тревога. По Гоголевскому бульвару вели как больших животных на поводках серые баллоны аэростатов. В вагонах метро люди были угрюмы и молчаливы. Но военных на улицах я не помню. Никакой бомбардировки не было. Бомбили Москву только месяц спустя.

Приехав в Иваново к родителям, я попросила маму взять меня на работу, потому что хотелось быть полезной, а не пролеживать свой академический отпуск на диване. В эти первые военные дни срочно разворачивались военные госпитали, в которых на первых порах работали по совместительству институтские и городские врачи. Мама взяла меня лаборантом в свою клиническую лабораторию, в госпиталь, развернутый на базе терапевтического отделения областной больницы. Эта работа мне нравилась, она возвращала меня в мое ковровское детство, в воспоминания о той лаборатории, где я жила когда-то.

Ежедневно мне надо было утром брать кровь у новоприбывших во всех корпусах. Помню, как брала кровь у молодого человека без документов, с каким-то приступом. Оказался невероятно высокий сахар. Больной, не приходя в сознание, скончался. Наверное, ему по дороге, не удалось сделать укол инсулина. Врачи уже не смогли вывести его из диабетической комы.

Война косила и «правых», и «виноватых» и на фронте, и в тылу.

Так прошло лето. Город Иваново вошел в состав оперативной зоны Калининского фронта. Поступали раненые, открывались новые госпитали в школах. Жить становилось всё труднее и голоднее. Что мы ели в эту первую зиму? Какой-то неочищенный овес, зерна пшеницы в оболочке, мерзлый картофель, хлопковое масло. Из-за отключений электричества в домах были сконструированы светильники: в блюдечко наливалось масло, в которое погружался тряпчатый фитилек. Окна завешаны одеялами.

Глаша, моя названная сестра, оставалась в Ленинграде, туда же уехала ее бабушка. Теперь они жили все вместе с папой – Сергеем Петровичем Поповым. Осенью я получила уведомление о том, что Московский Авиационный институт эвакуируется в Алма-Ату и что я могу присоединиться к его эвакуации. Это легко было написать, но железные дороги были перегружены людьми, бегущими из западных областей, военными грузами и заводами, эвакуирующимися на восток. Выехать было практически невозможно.

Надо было решать судьбу своего образования. В согласии со своими родителями я решила продолжать высшее образование на электромеханическом факультете Ивановского энергетического института с тем, чтобы по окончании войны вернуться в свой МАИ.

С начала учебного года я пошла в новый институт, не оставляя работу в госпитале.

Время для молодых людей было более чем трудное. Знакомые мальчишки-одноклассники – все на фронте. В город же приходят на отдых военные части, много выздоравливающих легкораненых. Никакой ответственности в отношениях. Сегодня – любовь, а завтра он может погибнуть. Каким-то образом, может, с незаметной помощью моих умных родителей, я поняла, что плыть по течению этой жизни нельзя, надо чем-то еще больше загрузить себя, чтобы не потонуть в этом хаосе. Короче, надо отменить всякую личную жизнь. Тем более что еще не остыли школьные влюбленности и было не до скоротечных романов.

Именно в это время меня встретила преподавательница Ивановского музыкального училища Марфа Андреевна Пророкова (мать известного художника Бориса Пророкова, чьи картины и сейчас можно видеть в Третьяковской галерее). Она знала меня со времен обучения в детской музыкальной школе, напомнив, что преподаватель по классу хора считал, что у меня имеется неплохой певческий голос. Марфа Андреевна предложила мне поступить в музыкальное училище на вокальное отделение, в её класс. Я согласилась с её предложением и начала готовить с ней программу для приемных экзаменов. Экзамены я выдержала. В училище на вокальный факультет меня приняли. Так моя жизнь стала еще более напряженной и загруженной.

В училище к занятиям добавились концерты в военных госпиталях. В составе фронтовой бригады я пела в этих концертах, конечно, бесплатно, а иногда за небольшое угощение, которое стоило в это голодное время дороже денег.

В прифронтовых госпиталях я увидела ужасы, которые до сих пор стоят передо мной. Молодые люди без рук и ног, венерические больные, но самое ужасное – в госпитале ранений лица. Здесь – почти каждый день самоубийства. Здесь страшно видеть изуродованных людей, людей без лица.

Глубокой осенью на пороге нашей квартиры появилась моя подруга Люба Крутикова, соседка по комнате в общежитии Московского авиационного института. В тоненькой солдатской шинели, с непокрытой головой. Она с большими трудностями, на военном самолете своего мужа вылетела из Ленинграда. От неё мы с ужасом узнали, что Ленинград в блокаде, что люди там едят кошек, умирают голодной смертью, живут под артиллерийскими обстрелами. Газеты же об этом молчали. А ведь там - Глаша! Там все родные нам Поповы!

Мы оставляли Любу у себя, но она рвалась дальше, к сестре в Сызрань. Все-таки уехала. А от Глаши – ни звука. И от маминой ленинградской сестры – тоже. Мой двоюродный брат, который фактически воспитывался в нашей семье – в саперных войсках на фронте под Ржевом. От него приезжал посыльный по делам в Иваново, зашел к нам, рассказывал, как работают саперы-минеры на льду Волги, как гибнут целыми батальонами. Днем фашисты минируют замерзшую Волгу, а ночью саперы ее разминируют. Если мины незнакомой конструкции, то гибнет сразу вся команда. Война давала о себе знать, хотя от Москвы зимой фашистов отогнали, что означало относительную безопасность нашего города.

Первый курс энергоинститута был закончен с отличными оценками по всем предметам, хотя далось мне это очень трудно. Всё-таки мои мозги были плохо приспособлены к точным наукам. Очень нравились предметы «для глаз»: начертательная геометрия, аналитическая геометрия, металлография с её микроскопическим анализом, а другие давались с большим трудом. На втором курсе учебное рвение явно понизилось. Всё чаще посещали мысли о разрыве интересов. Работа в госпитале никак не вписывалась в картину

моего технического образования. Обстановка в стране ухудшалась: весь запад страны был захвачен фашистами. Казалось, что специальность электротехника вовсе не актуальна в противовес медицине, с которой я соприкасалась ежедневно.

Мои старые друзья-ковровцы, одноклассники, учившиеся в медицинском институте, говорили мне: «Что ты мучаешься? Переходи к нам». Мама одобряла эти разговоры, но не давила на меня. Мне жалко было терять годы, потраченные на технический вуз. Наконец, я пришла к решению. Сдаю зимнюю сессию второго курса энергоинститута и забираю документы.

После сессии пошла в мединститут, показала зачетную книжку и неожиданно получила согласие. Меня принимают на второй семестр первого курса, зачитывают экзаменационные оценки энергоинститута по химии, физике, немецкому языку и общественным наукам. После каникул я обязана сдать дифференцированные зачеты по анатомии и биологии, весной – латинский язык. Тогда меня окончательно зачислят в институт.

В течение каникул я ежедневно ходила на кафедру анатомии, дома разбиралась по анатомическому атласу. Потом мне стали доверять и позволяли на ночь относить домой сумочку костей, которые утром я должна была вернуть. Через неделю я легко сдала зачет по костям и связкам. Не зная латыни, я на слух запоминала латинские названия: «фосса, туберозитас, ацетабулюм». Когда настало время учить мышечную систему, меня с опаской привели в анатомический зал. Он был пуст, на всех столах лежали трупы (во время войны, к большому сожалению, в них не было недостатка). К моему ужасу, из конца зала доносилось какое-то чавканье, как будто кто-то прихлёбывал воду. Я тихонечко прошла в тот конец и увидела собаку, которая жадно пила воду из ведра. Эту собаку готовили к какому-то эксперименту, а пока готовили, она свободно разгуливала по кафедре.

Возвратилась я на свое место, огляделась, нашла труп с препарированными мышцами и стала заниматься. Я ведь была из врачебной семьи, разговоры про анатомичку слышала много раз и считала позором её бояться. Правда, от запаха формалина слезились глаза, а брезгливости и страха не было.

После каникул, в начале весеннего семестра предстояло сдавать зачет по мышцам. На зачет явился сам профессор, заведующий кафедрой Андрей Павлович Любомудров, который, как выяснилось впоследствии, недоверчиво относился к моей попытке приготовить материал самостоятельно. Однако испытание я выдержала.

Зачет за первый семестр по биологии сдала легко. До весны надо было самостоятельно одолеть латынь, чем я занималась настойчиво ежедневно по взятому в библиотеке учебнику. В мае я сдала латынь, получив высшую оценку.

Начались лекции и практические занятия. Я чувствовала себя комфортно. Ощущение было такое, как будто я вернулась в родной дом. Остались в прошлом непонятные места в лекциях по математике, в которых надо было долго разбираться дома. Всё было понятно, интересно и доставляло удовольствие. Однако вскоре выяснилось, что сочетать учение и работу в госпитале почти невозможно. На это мне жаловались и другие, потому что работающих было много. На наше счастье в это время вышел министерский приказ о свободном посещении лекций. Можно было составить собственное расписание.

Мне было труднее других, потому что у меня, кроме работы, было еще и музыкальное училище. Облегчение было в том, что оно располагалось через дорогу от института. По

некоторым предметам не пришлось прослушать ни одной лекции, надо было разбираться по учебникам, которых катастрофически не хватало.

Однако один предмет я прослушала целиком. Это была гистология. И снова - предмет «для глаз». Любовь к этому предмету захватила меня сразу. Может быть, решающую роль в этом сыграл профессор Николай Иванович Зазыбин, в последующем – член-корреспондент Академии медицинских наук СССР. Несмотря на то, что он сильно заикался, его лекции слушались как увлекательные романы. К сожалению, во время войны студенческие научные кружки на большинстве кафедр бездействовали. А если бы и работали, то я не смогла бы заниматься наукой из-за своей перегрузки.

До третьего курса, пока не начались занятия в клиниках, всё шло хорошо. Получая отличные оценки на экзаменах, я переходила с курса на курс. Клиники осложнили дело, но приходилось лавировать. Жалко, что лекции по некоторым предметам мне вообще не удалось прослушать. Однако практические занятия я посещала очень аккуратно и занималась дома, восполняя пропущенное.

Война, на скорое окончание которой все надеялись, затягивалась и принимала очень страшные черты. Из Иваново в первые дни войны многие уехали в эвакуацию на восток. Наша семья, приняв очень опасное решение, осталась по нескольким причинам. Во-первых, отец работал в банке, а банку полагалось покидать город в самую последнюю очередь. Мама же не хотела, чтобы семья дробилась. Во-вторых, с нами в то время жил мамин овдовевший восьмидесятилетний отец, мой дедушка, что осложняло дело.

И, наконец, после операции я чувствовала себя не очень хорошо. А в основе решения стояла какая-то уверенность в том, что ничего с нами не случится, пока не падет Москва, с которой наше Иваново было почти рядом. Несмотря на решение остаться, мама приготовила каждому члену семьи по рюкзаку со всем необходимым. Мы договорились, по какой дороге будем уходить из города, если наступит такая необходимость. То, что остаться в оккупированном городе еврейской семье невозможно, мы все понимали.

В какой-то момент в городе началась паника, потому что поступил приказ об уничтожении всех предприятий. Открылись на разграбление склады с текстильной продукцией. Но тут сказался особый дух ивановских людей. Рабочие взяли под охрану все фабрики и фабричные склады. На Меланжевом комбинате чуть не растерзали директора, который хотел выполнить приказ о взрыве предприятия.

Студенты были отправлены в эти дни на уборку картофеля. Наша группа пришла в деревню около села Чернцы, справа от Лежневского шоссе. Мужчин – никого, женщины в полной растерянности. Живем человек 10 на квартире. Еще плохо понимаем, что происходит. Копаем картошку вручную, не знаем, как и куда её складывать. Только к ноябрьским праздникам пешком возвращаемся домой и по радио узнаем о параде на Красной площади в Москве. Эта весть как-то вселяет надежду и успокаивает. С этого момента радио остается включенным на 4 года.

Я продолжала работать в госпитале, но в другом, не в мамин. Он был расположен близко к моему дому. В нем два корпуса: один для раненых в верхние конечности, другой для раненых в нижние конечности. Сначала я работала в госпитальной клинической лаборатории, но по окончании первого курса, меня вызвала к себе начальник госпиталя майор Кузнецова и послала к главному хирургу (К слову сказать, Кузнецова – еврейка, Кузнецова по мужу, видному старому большевику, чьим именем названа в Иваново одна из крупных улиц). Не зная причины вызова к главному хирургу, я пришла к нему во время операции. Медсестра ввела меня прямо в операционную, одев, как полагается, в

стерильный халат и шапочку. В операционную я вступала впервые в жизни. Хирург объяснил, что идет операция ампутации нижней конечности, пораженной газовой гангреной. Потом, перевязывая оперированного, попросил меня подставить кулачки под корпус больного.

По окончании операции спросил: плохой запах почувствовали? Я сказала – нет. Он внимательно посмотрел на меня и спросил, с какого же вы курса? Я ответила, что с первого. Он пришел в ужас. «Я думал с третьего и пришли на практику. Как же вы выдержали гильотинную операцию и не упали в обморок? Почему вы здесь?»

Кончился разговор тем, что он предложил мне перейти из клинической лаборатории в отделение выздоравливающих на должность медицинской сестры. Так к моей нагрузке прибавились ночные дежурства, правда, только во время летних каникул.

В отделении выздоравливающих работать было нелегко. Самые благополучные из моих подопечных просто убегали на ночь, что строго каралось начальством. В дни выписки многие из них прятались, не желая снова идти на фронт (да – и это было!). А неблагополучные лежали часто в полном отчаянии.

Молодой младший лейтенант Ломовских (запомнила имя) лежал в гипсе по самую грудь после ранения в оба бедра. Каждый день я, в полуобморочном состоянии, вычищала из-под гипса белых червей. Это я, боящаяся всех ползающих животных до смерти!

В этом отделении меня грозился убить раненый с «фонарем» (проволочный пузырь на незаживающей ране). Он просил какой-то наркотик, а я, конечно, не давала. Он оказался просто симулянтом, потому что недели через две после окончания войны его «незаживающая» рана срочно зажила.

Четыре года войны в моей памяти равны целой жизни. Надо удивляться, как человек может «притерпеться» ко всяким невзгодам. Выбитые и заколоченные фанерой окна, одеяло на окне для тепла и для светомаскировки. Очереди с ночи за хлебом по карточкам. Нестерпимый холод в доме. Темнота на улицах, комендантский час, включенное целые сутки радио. Жидкая баланда вместо еды, пшеничная каша из неочищенных зерен – вот что такое наша военная жизнь!

Мы с мамой остались в самом начале одни, потому что папа уехал по поручению центрального управления Госбанка в прифронтовой Елец спасать ценности Орловской конторы госбанка, где хранились даже рукописи некоторых русских классиков, много церковных драгоценностей и, конечно, деньги. Потом он рассказывал, что его машина с ценностями успела проскочить в Москву буквально за час до того, как замкнулось кольцо вокруг нее.

Пока не было папы, мы с мамой старались пообедать в институтской столовой, она всегда говорила: возьмем с собой луковку и перец, чтобы еда была бы похожа на еду. Страшно было думать, что каждую секунду погибают где-то люди. Уже прекратились письма от моего любимого школьного друга Макса Григорьева, и я боялась даже думать, что он убит.

Однажды под вечер к нам пришел его отец, был пьян, ни с кем, кроме дедушки, не стал говорить. О чем-то в темноте они шушукались, слышала, что плакали. Только потом я поняла, что говорили они, наверное, о «похоронке» Макса. Как оказалось, жене он ничего не сказал. Сам он вскоре попал в туберкулезную больницу и там умер. А бедная мать,

доктор Зинаида Герасимовна Григорьева, ждала сына еще много лет и умерла, сидя за столом, опершись на руки.

Почти каждую ночь над нами пролетали фашистские самолеты бомбить мосты на Волге. Воздушные тревоги сначала пугали, а потом мы перестали спускаться в бомбоубежище. Однажды, готовясь к серьезному зачету по анатомии во время тревоги, я накрылась с головой одеялом, взяла туда лампу и атлас. Обливаясь потом от жары, работала до окончания тревоги.

От нас тоже почти каждую ночь вылетали самолеты бомбить вражеские города. Здесь был сформирован авиационный полк «Нормандия» (впоследствии Нормандия-Неман). В городе мелькали серые, короткие шинели английских летчиков. Всех иностранцев можно было встретить в Доме Офицеров. Иногда они выстраивались около факультета иностранных языков Педагогического института: нужны были переводчицы. Девчонки мечтали, чтобы кто-то из летчиков позвал замуж. Однако советские власти жестоко преследовали тех, кто позволял себе близкие отношения с иностранцами. На кафедре гистологии так пострадал старший лаборант, длинноногая красавица Юлия. Я избегала этой уродливой, безответственной игры в «светскую жизнь» и нарочно перегружала себя. Ко всем нагрузкам прибавился огород, вернее, одна сотка, засаженная картошкой. До этой сотки надо было идти километра четыре, однако, она кормила. Кормил еще мешок муки с отрубями, полученный в обмен на наш велосипед в ближней деревне.

Жизнь в годы войны была своеобразна. Работали театры, работал Дом Офицеров. Самыми привилегированными людьми были продавцы и особенно заведующие магазинами. Офицеры из частей, приходивших на отдых, поголовно «женились», чаще делая несчастными тех, кто становился их женами.

Было во время войны такое понятие – аттестат. Это был документ, который оставляли жене. По этому документу она получала деньги и какие-то льготы как жена фронтовика. Одна наша соседка, полька, потерявшая на войне мужа, не очень молодая женщина с двумя детьми, по переписке нашла другого мужа, но и он был убит. Так уродливо война формировала людские судьбы.

В единичных случаях бывало и наоборот. Разведенная, с четырьмя детьми, тоже наша соседка, пригрела и оформила брак с инвалидом, потерявшем семью на оккупированной территории. Семья сложилась хорошая. Война наполнила город инвалидами. Кто на костылях, кто на низенькой четырехколесной каталке без двух ног. Кто поет, кто играет на гармонии, кто организовал игру в «наперстки».

В кожвендиспансере, где мы проходим практику, осматриваем пациентку: фронтовичка, подполковник. Красивая женщина, хорошо одета, в коричневых сапогах (тогда – большая редкость и ценность). Ставится один из самых страшных диагнозов. Она опасна для окружающих на этой стадии болезни. Через некоторое время, из окна автобуса, я вижу эту женщину в приметных сапогах, торгующую на рынке чем-то съестным. «Мирная жизнь» во время войны была полна своих опасностей и несчастий.

Когда война подходила к концу, на базарах появились вещи немецкого происхождения: их прихватывали солдаты, воевавшие на территории Германии. Потом эти трофейные товары проникли в комиссионные магазины, которых появилось великое множество. Однажды я видела там даже соболью шубу. Люди обсуждали, как можно обогатиться, утащив из Германии как можно больше. Это было уродливо и очень неприятно. После войны

появились государственные магазины, торговавшие товарами, полученными в счет репараций.

Взятие Берлина 2 мая 1945 года уже ощущалось как победа, но настоящее ликование наступило в ночь на 9 мая 1945 года, когда в 4 часа утра прозвучали слова о капитуляции фашистских войск.

Двери домов открылись. Кто-то бежал на телеграф, к которому выстроилась очередь на целый квартал. К нам в квартиру ввалился сосед, артист Театра музыкальной комедии. Он нёс с собой литровую бутылку водки и буханку черного хлеба. Вся компания набежавших соседей пила, закусывала, плакала. Артист играл на пианино и сквозь слезы говорил, что его утешали всю войну только диссонансы и сейчас он может играть только так.

Помню это утро и этот день с ясным голубым небом и со страшным холодом. Но странно, в глубине души не было ощущения конца войны.

Может быть, только через неделю, в трамвае, стоя на площадке, я вдруг сердцем ощутила, - никого больше не убивают, никого!..

И только тогда пришел внутренний восторг, тихий, но кружащий голову...